

Глава первая

1. Такую красавицу заставляешь себя ждать!

Всем временам года он предпочитает зиму, когда всё вокруг становится разом светлее и чище. И человек вместе со всем внешним миром тоже. Вот в январскую стужу бежит прохожий тебе навстречу, бодрый, румяный и выглядывает из своих шарфов и воротников, точно анисовое яблочко из густой листвы. Или, точнее, как большой закутанный ребёнок. Хлоп-хлоп глазками. И дыхание его свежо. Зимой он как-то более целомудрен, оторван от плоти грешной, зимой, если хотите, он менее животное и более человек.

Январский день ясен и до звона в заиндевелых проходах морозист. На другой стороне реки, над старой частью города, блёклое солнце смиренно тонет в сизой дымке. Над редкими печными трубами тянутся в небо белые столбы. Мороз добрый, в смысле — большой, крепкий, но не злой, без ветра, и его лихо рассекают гонящие со стороны моста с сухим шипением шин по асфальту борзые, курящиеся выхлопными газами автомобили.

Неторопливо шагает Булатов мимо стайки страждущих на троллейбусной остановке, вдоль строя ёлок, бережно держащих снег на своих крепких лапах и длинными, стрелчатými тенями указывающих дорогу к издательству. Спешных материалов в номер нет, предстоит посидеть над статьёй, которую заказывали из московского спортивного журнала, и дожидаться нескольких телефонных звонков. Всё это не к спеху, и Равиль Булатович Булатов, в своём кругу просто Буля, вчерашний профессиональный хоккеист, чемпион страны, мира и Олимпийских игр, обладатель Кубка Стэнли (точнее, золотого его перстня), а сегодня обозреватель «Спортивной газеты», со вкусом скрипит ботинками по спрессованному сотнями ног и слегка припорошенному январскими жемчугами и

бриллиантами насту. Он загодя расстегнул спортивную куртку, распустил шарф, и морозный, жгучий воздух, как в весёлом, распахнутом детстве, бодрит его грудь.

В коридоре редакции, на седьмом этаже, по обыкновению снуют туда-сюда корректоры, редакторы, всяческие штатные и внештатные корры...

— Здравствуйте, Равиль Булатович!

— Здравствуйте!

— Привет, Булатыч!

— Привет!

— Буля, ты ли это? Сто лет тебя не видел!

— Я тебя тоже.

— Равиль...

— Да?

— Быть ли нам опять чемпионами?

— Я не пророк Мухаммед, но думаю...

Вчерашний чемпион, а сегодня волей судьбы журналист быстро привык к новой форме общения, к вопросам по поводу и без и отвечает на них с пониманием, не отмахиваясь, как от назойливых мух, но и не распинаясь, дифференцированно, так сказать.

Его служебная комната (не будем называть её кабинетом) — последняя по коридору редакции. И за семь вёрст до неё Булатова предупредили, что его там ждут. Чинарик предупредил — заместитель главного редактора, плюгавый, раненко облысевший молодой человек. Сказал он это с ехидцей и в то же время с каким-то панибратским пониманием:

— Таковую красавицу, Булатыч, заставляешь себя ждать!

«Кто бы это мог быть? — подумал Булатов. — Ни с кем, вроде бы, не договаривался...» И увидел выступившую из овального закутка, где были пара кресел и журнальный столик для посетителей, и в самом деле красавицу, с рассыпанными по пышной, тёмной шубе белокурыми, вьющимися волосами.

Она серьёзно посмотрела ему в глаза и, перестав перебирать тонкими, музыкальными пальчиками вязаный крупными петлями шарф на груди, неожиданно открыто, по-свойски улыбнулась:

— Это вы, значит?

— Да, значит, я, — протяжно промычал Булатов, лихорадочно соображая: «Где же её видел?»

— Ах, да! — хлопнул себя по лбу. — Это вы?!

Она вовсе рассмеялась, журчаще и серебристо, будто ручеёк из-под талого снега пробился, не умея скрыть при этом ровного ряда сахарных зубок.

Теперь и он узнал её. Это была та, с кем он неделю назад познакомился на городском катке, в парке, который жил своей шумной, весёлой жизнью неподалеку от его дома. Только волосы у неё тогда были аккуратно приглажены и заткнуты под вязаную шапочку, да ещё, естественно, этой пышной, вернее, косматой, неизвестной породы шубы на ней не было, а была простенькая для нынешних цветастых времён курточка. И была она тоньше, миниатюрнее, а точнее — меньше, младше, совсем девочка, школьница...

2. Столкновение

В тот парк он раньше не заходил. А неделю назад вдруг так захотелось встать на коньки, что даже ноги зачесались. Не зачесались, а сами по себе заходили ходунком, зашевелились всеми пальцами разом, запросили себе коньки-конёчки, возжелали льда скользкого, в котором он себе в родном Ледовом дворце по окончании своей хоккейной работы раз и навсегда отказал. И он снял с гвоздя стальных братцев своих, вжикнул «молнией» клубной куртки, натянул по самые брови спортивную шапочку и — небывалое дело! — махнул на городской каток.

Шёл лёгкий, искрящийся в свете уличных фонарей январский снег. В парке, на стадионе в лучах прожекторов, освещавших залитое под каток футбольное поле, снежинки были ещё искристее и нарядней и, казалось, что они, кружась, летят снизу вверх. Воскресенье. Народу на катке много. Конечно, не столько, как в былые времена, когда катки были центрами городской вечерней жизни, местом встреч, свиданий, времяпровождения, самоутверждения... Но всё равно многолюдно, что приятно удивило Булатова, ревновавшего коньки к лыжам. А ведь одно время наблюдался сильный отток с катков, в моду вошли лыжи, и люди в одиночку, парами, семьями, коллективами устремились на своих снегоступах за город, в близлежащие леса, а также, конечно, в родной и бескрайний ЦПКиО (Центральный парк культуры и

отдыха) с его перелесками, полями, горами, головокружительным трамплином и заснеженной ареной замёрзшей в подножии парка реки. Но время округло, и оно, подкидывая что-то новое (хорошо позабытое...), всё возвращает и возвращает нас по заколдованному кругу обратно.

И Булатов покатился по зеркалу общедоступного катка, который зеркалом, если по правде, трудно было назвать — пупырчат, иссечён коньками, подёрнут снегом, но радости скольжения это не умоляло. Наоборот, придавало действию какую-то первозданность, будто вышел он на лёд впервые, будто вот вернулся в далёкое беспечальное детство и только-только начинает свой путь по жизни. Вся жизнь его была связана со льдом, большей частью — искусственным, но первый лёд, который не затерялся в закоулках памяти, был именно таким, не очень гладким, почти таким. Это вспомнилось сразу, с первых шагов по нему, сначала коротких, пробных, затем более протяжённых и плавных в скольжении.

Мимо проплывали парочки, проносились юркие мальчишки, маячили великовозрастные пузатики, по углам катка стар и млад гоняли ватагой шайбу... Неопознанный чемпион неспешно и искусно лавировал во всеобщей своеобразной карусели, но, что поделать, засмотрелся на чёрный каучуковый блинчик, метавшийся между неумелыми клюшками местных виртуозов, и — о боже, надо же такому случиться! — столкнулся...

На груди у чемпиона замерло хрупкое, юное создание в вязаной шапочке, из-под которой стекали и расходились два гладких, белокурых потока. Они разбегались в разные стороны над испуганно моргающими светло-зелёными, как неспелый крыжовник после дождя, глазами. Девушка летела встречным курсом, а у него голова чуть ли не на сто восемьдесят градусов назад — всё от шайбы взглядом оторваться не мог. За мгновение до происшествия почувствовал, каким-то шестым чувством определил, засёк несущийся навстречу объект, но было уже поздно, и он принял его на грудь, подхватил, и даже приподнял. А то, что объектом была она — это он как раз за то самое мгновение до соприкосновения и определил, и, казалось, обстоятельно разглядел, и испугаться успел, и пожалеть её, ведь ангелочек этот на «фигурках» вдребезги об него разбиться могла.

«Куда тебя чёрт в обратную сторону несёт!» — хотел было строго заметить Булатов, но и без того испуганный вид юной «фигуристки» заставил его умерить воспитательный пыл, и он кратко и тихо и даже виновато спросил:

— Не ушиблась?

Этот простой вопрос привел её в себя, и она — не забываясь ты, забывают тебе — выпалила:

— Отпустите же меня!

До Булатова, наконец, дошло, что он всё ещё держит девицу в руках у себя на груди, и она, бедняжка, тянется ножками ко льду, змеевидно шевелится, пытаясь высвободиться из крепких объятий незнакомца.

— Да, конечно, — повиновался чемпион. — Но куда ты в обратную сторону-то мчалась?

— Не мчалась, а тихонечко ехала, — урезонила она, одёргивая сиреневую курточку с откинутым капюшоном и поправляя два белоснежных крыла из-под шапочки. — В раздевалку.

— Нельзя против течения...

— А по течению далеко, и у меня уж сил не осталось.

— Тебя же могли тут вообще растоптать, пополам разрезать.

— Кроме вас, пожалуй, некому. Растоптать-то, — заметила потерпевшая.

— Спасибо за комплимент, но всё равно надо посмотрительней... вон как гоняют! Покалечат и фамилии не спросят.

— Лучше б проводили, раз вы такой заботливый. А то и, правда, инвалидом сделают. Видите, еле стою?!

— Поехали. — Булатов взял девицу под локоток и двинулся с ней по встречному для всей ледовой карусели маршруту к раздевалке. Он был выше её на голову, она рядом с ним выглядела маленькой набедокурившей проказницей, вовремя взятой под белые ручки.

Она и точно на коньках стояла кое-как. Ноги её вихляли, ломались, лезвия «фигурок» скользили в невероятных направлениях.

— Да ты носками отталкивайся, носками, — как можно мягче советовал Булатов, — это ведь фигурные коньки, у них вон, впереди там, специальные зазубринки имеются.

— Легко говорить, а у меня ноги устали. Устали, понимаете, и болят. — Она шмыгнула покрасневшим носиком, готовая расплакаться.